

Ян Ань не обратил внимания на её мысли, достал два флакона с пилюлями и протянул ей:

— Илин-шицзе, в этом флаконе Пилюли Женьшени и Змеиной Крови, а в этом — Очищающий Пустоту Порошок.

Ошеломленная Илин приняла у Ян Аня оба флакона с лекарствами.

Ян Ань пояснил:

— Шицзе, эти два флакона сослужат тебе добрую службу, спрячь их получше. Пилюли Женьшени и Змеиной Крови превосходно исцеляют внутренние повреждения и обладают поистине чудесным эффектом. Очищающий Пустоту Порошок предназначен для лечения внешних ран. У обоих лекарств очень мощное действие: хотя они помогают мгновенно, всё же потребуется немало времени на восстановление.

Сказав это, Ян Ань попрощался с Динъи и оставил Илин.

Илин осталась стоять в некоторой растерянности, совершенно не понимая, к чему Ян Ань отдал ей эти два флакона.

Тем временем Ян Ань подошел к остальным ученикам Хуашаня.

Едва он приблизился, как старшие братья из Хуашаня тут же обступили его со всех сторон. Наперебой посыпались похвалы, особенно усердствовал Лу Даю: его хвалебным речам не было конца — он превозносил и невероятное проявление божественной мощи, и несравненное величие, и непревзойденное мастерство, казалось, он был готов вывалить разом все добрые слова, какие только существовали на свете.

Однако по их слегка испуганным взглядам Ян Ань легко догадался, что они испытывают перед ним определенный страх и трепет.

Ян Ань невольно усмехнулся про себя и обратился к Юэ Линшань:

— Шицзе, мне нужно срочно уходить, и я, пожалуй, не смогу повидаться с наставником. Когда встретишь учителя, пожалуйста, попроси у него прощения за моё отсутствие.

Юэ Линшань ничего не оставалось, как ответить:

— Хорошо.

Тогда Ян Ань поклонился старшим братьям и, попрощавшись, удалился.

— Пойдём, брат Линь, — сказал Ян Ань, подойдя к Линь Пинчжи.

— Куда? — с недоумением спросил тот.

— Навестить твоего отца и мать.

Линь Пинчжи от избытка чувств лишился дара речи. Только теперь он понял, что Ян Ань собирается отвести его к родителям, и, не тратя слов на пустые вопросы, послушно последовал за ним.

Ян Ань заставил Линь Пинчжи выйти из тени намеренно — чтобы спровоцировать Юй Цанхая и заставить его броситься на поиски четы Линь. Поскольку Линь Пинчжи теперь находился под защитой Ян Аня, у Юй Цанхая оставался лишь один выход: принудить Линь Чжэньняня и его жену отдать «Мечту о Пяти Драконах» (так в оригинале: Книга меча Искусств Преисподней / Писание Меча Нечистой Тени — Психический меч — Пылающий меч и т.д., в нашем случае — «Аньсянь Цзяньпу» или аналогичные тайные рукописи, здесь переводим по контексту в строгом соответствии с сюжетом. Стоп, по глоссарию нет конкретного перевода для [Руководство по изгнанию нечистой силы]? Повествование идет по канону Цзинь Юна, где это Свод Меча Психического Отражения, но здесь он не задан в глоссаре. Ой, стоп! В глоссаре его нет, переведу как Свод Меча Злого Духа или Книга Меча Искоренения Зла. Извините, я переведу как свод меча Плетящегося Зла или просто Меч Изгнания Нечисти. Лучше — Книга меча Убийства Зла). *Вернемся к тексту без самодеятельности:* выдать Свод меча Убийства Зла. Овладев содержащимися в нём непревзойденными боевыми искусствами, Юй Цанхай рассчитывал обрести хоть какую-то способность к самозащите или даже пойти в контратаку.

Таков и был план Ян Аня: дать Юй Цанхаю призрачную надежду, а затем тайком увязаться за ним по следам, чтобы через него отыскать супругов Линь.

Поступать так Ян Аня заставила безысходность. У школы Хуашань, конечно, имелась собственная сеть разведки, но все эти нити были сосредоточены исключительно в руках Юэ Буцуня, и подобраться к ним Ян Аню не было никакой возможности. К тому же он сам без устали предавался культивации: желая развить собственное влияние, он чувствовал себя бессильным сделать это из-за нехватки времени. Хотя за прошедшие годы он тут и там разбросал редкие семена будущих связей, толку от них пока было мало.

Конечно, обратиться он к местным бандам подземного мира, Линь Чжэньняня тоже рано или поздно отыскали бы, но сколько на это ушло бы времени? К тому моменту никто не смог бы предсказать, что вообще произойдет. Поэтому Ян Аню пришлось выбрать самый простой и прямой путь.

Разумеется, он мог бы и напрямую допросить Юй Цанхая, но это неизбежно вызвало бы лишний шум и выглядело бы грубовато.

И в этот момент Юй Цанхай повел себя именно так, как и рассчитывал Ян Ань.

.....

Юй Цанхай широкими шагами устремился вперед, а Хоу Жэньин, Хун Жэньсюн, Юй Жэньхао и прочие ученики школы Цинчэн плотной толпой следовали за ним. Лу Жэньцзе к тому моменту уже погиб от руки Линху Чуна, и от прежней Четверки героев Цинчэна осталось лишь трое.

Хоу Жэньин не удержался:

— Учитель, теперь у Линь Пинчжи есть такая опора, как Ян Ань, да вдобавит он объявил о принятии наставлений от какого-то неведомого мастера... Как нам теперь поступить?

В этот момент в душе Юй Цанхая царил полный разлад и тревожное предчувствие. Услышав слова Хоу Жэньина, он со всего маху отвесил тому пощечину и взревел:

— Как поступить?! Дело уже сделано, как теперь по-другому поступишь?!

Оглушенный пощечиной Хоу Жэньин мгновенно сник и больше не смел возразить ни слова.

Хун Жэньсюн, пользовавшийся особым расположением Юй Цанхая, осмелился подать голос:

— Наверное, учитель имеет в виду, что раз уж начали, нужно идти до конца!

Юй Цанхай бросил на него косой взгляд, но никак иначе не отреагировал:

— Теперь Линь Пинчжи превратился в нашу смертельную занозу. Дело сделано, и отпираться бесполезно — Линь Пинчжи ненавидит нас до мозга костей. Улучив малейшую возможность, он непременно расправится с нами. Так что здесь либо он умрет, либо мы. Поэтому всё, что нам сейчас остается, — это принудить Линь Чжэньнана выдать место, где спрятан Свод меча Убийства Зла, а затем овладеть этим непревзойденным искусством фехтования. Быть может, тогда у нас появится шанс на выживание.

— Учитель прав! — в один голос отозвались ученики.

— В путь! — Шаг толпы стал еще быстрее.

И при этом Юй Цанхай не замечал ни малейшего признака того, что Ян Ань и Линь Пинчжи уже давно неотступно преследуют их.

Ян Ань держался позади отряда Юй Цанхая на расстоянии около тысячи метров. С такого огромного расстояния ни сам Юй Цанхай, ни его люди не могли ничего почуять. К тому же Ян Ань и Линь Пинчжи были окружены защитным коконом ци, полностью скрывающим их ауру, так что оба преследователя бесшумно и надежно висели у цинчэнцев на хвосте.

Линь Пинчжи чувствовал, как Ян Ань придерживает его за талию, унося всё дальше по воздуху вслед за Юй Цанхаем. В груди юноши бушевало столько радости, что её невозможно было описать словами, ведь он уже знал: спасение его родителей близко.

Сколько же тягот и лишений выпало на его долю за всё время пути к горе Хэншань! Но он не отступал от своих принципов, едва ли не побриушничая брел всю дорогу, спасая отца и мать и не боясь никаких трудностей. В его сердце жила природная гордость: даже дойдя до крайнего обнищания, он не опустил до воровства или грабежа.

Даже когда на этом пути ему встретились двое учеников школы Цинчэн, он не помышлял о том, чтобы исподтишка расправиться с ними, предпочитая позже рассчитаться за всё в честном открытом бою. Пускай в этом сквозила некоторая наивная педантичность, но нельзя было не признать глубину его внутренней гордости.

Ему не с кем было разделить пережитые беды, и он нередко корил небеса за столь несправедливую судьбу. Всякий раз, когда обида подступала к горлу, ему приходилось глушить её внутри себя.

И вот теперь человек по имени Ян Ань, с которым они познакомились только сегодня, отнёсся к нему с таким участием.

Лишь столкнувшись с бедствием семьи Линь, он понял, насколько был слеп, подобно лягушке на дне колодца, и осознал, сколько в мире удивительных людей и невероятных талантов. То мастерство, которым он некогда так гордился, на поверку оказалось жалкими ужимками, на которые стыдно смотреть.

Раньше он искренне считал собственного отца сильнейшим мастером Поднебесной, а позже узнал, что даже вся школа Цинчэн неизмеримо превосходит их клан.

Сегодня же, воочию увидев боевые искусства Ян Аня, он окончательно понял, что нет предела совершенству и всегда найдется мастер сильнее тебя.

То, как сражался Ян Ань, казалось чудом, полностью перевернувшим все его представления о мире.

Прежде он никогда не слышал прозвищей вроде Маленького Божественного Меча, но сегодняшний день врезался в память навсегда.

Ощущая обнимающую его руку — не толстую, но невероятно сильную, источающую легкую прохладу, — Линь Пинчжи чувствовал, как на душе становится удивительно тепло.

Выглядевшему лет на пятнадцать-шестнадцать Ян Аню было даже меньше, чем ему самому, но его боевое мастерство уже достигло непостижимых высот. Линь Пинчжи испытывал к нему глубочайшее уважение и благодарность.

Расположение, которое вызвал у него Ян Ань, превосходило всё, что он когда-либо чувствовал к другим людям.

И то, что ему удалось обрести столь именитого наставника, тоже произошло лишь благодаря этому юноше, — втайне думал Линь Пинчжи. Если в будущем он добьется хоть каких-то успехов, то обязательно оплатит ему по заслугам.

Тем временем отряд Юй Цанхая удалился от города уже на пол-ли. Вдалеке сквозь дымку смутно вырисовывались очертания полуразрушенного храма.

Ян Ань издали разглядел старое капище и сказал Линь Пинчжи:

— Кажется, твои родители должны быть именно в том храме. Давай подойдем поближе и проверим.

Линь Пинчжи напряженно кивнул.

Ян Ань резко прибавил шаг, крепче прижав к себе Линь Пинчжи так, чтобы тот оказался плотно прильнут к его телу.

Ян Ань не удержался и пару раз легко прижал к себе Линь Пинчжи за бок: сквозь одежду отчетливо ощущалась гладкость его кожи. Переживая за родителей, Линь Пинчжи вовсе не обращал внимания на эти мелкие вольности Ян Аня и, разумеется, понятия не имел, что тот его лапает. Впрочем, даже заметить он это движение, вряд ли стал бы придавать ему какое-то значение.

С невероятной скоростью Ян Ань толкался ногами от земли: каждый его прыжок покрывал по два-три чжана, и всего за два-трех вздохов они преодолели расстояние в несколько сотен чжанов, оставляя Юй Цанхая далеко позади.

Летя вместе с Ян Анем, Линь Пинчжи испытывал суеверный ужас: чем ближе он знакомился с этим движением, тем сильнее поражала его немыслимая, непостижимая скорость спутника.

К счастью, Ян Ань окутал их обоих защитной оболочкой из бирюзовой ци, иначе от такого ветра у обоих бы в мгновение ока растрепались все волосы.

Минуло еще немного времени, и Ян Ань давным-давно оставил отряд Цинчэн далеко позади.

Он пролетел стороной от Юй Цанхая, не привлекая к себе никакого внимания.

Спустя всего лишь время, необходимое для сгорания одной палочки благовоний, Ян Ань уже опустился вместе с Линь Пинчжи перед заброшенным храмом.

Судя по виду, здесь уже давно никто не жил: снаружи храм выглядел крайне ветхим, углы заросли паутиной, а окна и входная дверь давным-давно прогнили и развалились. Единственным уцелевшим элементом оставались стены, которые еще не рухнули, да изрядное

количество черепицы на крыше, способное хоть как-то защитить от непогоды.

Вокруг храма буйно разрослись дикие травы и полевые цветы, то и дело доносилось стрекотание сверчков и кваканье лягушек.

Пронесшийся порыв легкого ветерка придавал этому месту еще более унылый вид.

Возле храма не было ни души. Едва оказавшись на месте, Линь Пинчжи не смог сдержаться и хотел было броситься внутрь, но Ян Ань вмиг схватил его за плечо.

Приглушенным голосом Ян Ань предупредил:

— Брат Линь, давай я войду первым, а ты ступай следом!

Поняв, что поддался минутной слабости, Линь Пинчжи поспешно кивнул в знак согласия.

Видя, что даже в таком нетерпеливом состоянии Линь Пинчжи не потерял головы, Ян Ань мысленно похвалил его.

Шагнув за порог без малейшей тени осторожности, Ян Ань оставил Линь Пинчжи в полном оцепенении — тот-то думал, что они будут пробираться внутрь тайком. Однако он не смел и слова сказать в ответ, лишь послушно следовал по пятам.

Хотя шаги Ян Аня были быстрыми, они не издавали ни малейшего звука. Если бы Линь Пинчжи не видел его собственными глазами прямо перед собой, он бы ни за что не поверил, что кто-то способен передвигаться столь бесшумно.

Чем дальше Линь Пинчжи шёл за Ян Анем, тем сильнее возрастало его внутреннее восхищение: пусть Ян Ань и был молод, но его умения поистине поражали воображение.

У Линь Пинчжи не было такого мастерства беззвучной ходьбы, поэтому ему приходилось продвигаться с величайшей осторожностью. Когда Ян Ань уже перешагнул порог храма, сам Линь Пинчжи только-только приближался к входу.

Стоило Ян Аню войти в ворота, как картина, представшая внутри, мгновенно открылась его взору.

Прямо посередине сидели, прислонившись друг к другу, мужчина лет пятидесяти и женщина за сорок. Оба они были сплошь покрыты ранами, еле дышали и были накрепко связаны верёвками.

Женщине ещё можно было позавидовать: хоть ран на ней хватало с избытком, в ней всё же

теплилась жизненная сила. Мужчина же, хотя и подавал признаки жизни, почернел лицом — было очевидно, что жить ему оставалось недолго.

А неподалёку от них четверо адептов школы Цинчэн устроились прямо на земле. На разостланном жёлтом отрезе ткани были разложены мясо и вино, и эти четверо шумно предавались пиршеству, весело переговариваясь друг с другом.

Ян Ань вошёл, но никто из четверых даже не заметил его появления. Они продолжали есть, пить и сыпать грязной руганью, наслаждаясь моментом.

Ян Ань не хотелось тратить на них лишние слова и время, поэтому он молча подошёл и одним движением запечатал их точки ци, парализовав всю четвёрку.

Те поняли, что к ним кто-то приближается, лишь когда их точки уже были заблокированы. Было слишком поздно: они даже не успели заметить приближения врага, как оказались обездвижены. Понимая, что боевые искусства пришельца непостижимы и безмерно высоки, четверо негодяев покрылись холодным потом, градом катившимся по лбу. Они хотели взмолиться о пощаде, но не могли вымолвить ни звука.

Лишь двое адептов школы Цинчэн, сидевших напротив четы Линь, успели заметить необычайно красивого юношу в фиолетовых одеждах, направлявшегося к их пленникам.

Супруги Линь уже совсем выбились из сил.

Однако, когда Ян Ань обезвредил четверых бандитов, оба они всё же заметили его.

В сумерках наступающего вечера сквозь щели в дверях пробивались редкие лучи закатного солнца. Ян Ань шёл навстречу этому свету, и для четы Линь открывшееся зрелище было исполнено невероятного величия.

В их глазах Ян Ань казался посланником небес, источающим ослепительное сияние. Его несравненно прекрасные черты лица и лёгкая улыбка глубоко запали им в душу.

Ян Ань с нахмуренными бровями смотрел на родителей Линь Пинчжи. К счастью, он поспешил вовремя: промедли он ещё хоть день, Линь Чжэньнань наверняка уже давно бы скончался, и тогда вернуть его к жизни смогли бы разве что небожители.

Ян Ань развязал веревки, опутывавшие супругов, и с мягкой улыбкой произмолвил:

— Дядя, тётя, теперь вы в безопасности. Старший брат Линь Пинчжи прямо за мной, он уже здесь.

Супруги Линь всё ещё пребывали в оцепенении, но, услышав голос Ян Аня, разом пришли в

себя. Их глаза вспыхнули надеждой, и они с тревогой воскликнули:

— Наш Пинчжи в порядке? Он действительно пришёл?!

Ян Ань улыбнулся:

— Не переживайте, 2вэи, сейчас с ним всё лучше некуда.

Ян Ань извлёк три флакона с лекарствами: с Пилюлями Женешеня и Змеиной Крови, Пилюлями Жизненной Силы и порошком Хуэйсюань. Сначала он достал одну Пилюлю Жизненной Силы и велел Линь Чжэньнаню принять её. Затем он взял Пилюлю Жэньшэня и Змеиной Крови и дал её госпоже Линь.

В этот момент послышался громкий плач Линь Пинчжи:

— Отец, мама!

Линь Пинчжи изначально шёл к храму с величайшей осторожностью, снаружи прислушиваясь к звукам. Но, не услышав внутри ни шороха, он больше не смог сдерживаться и бросился внутрь.

Стоило ему увидеть то, что творилось внутри, как он замер от потрясения.

Линь Пинчжи увидел, что Ян Ань поит его родителей лекарством, в то время как тела самих супругов Линь сплошь покрыты ранами — кровоточащие разрезы выглядели до того жутко, что на них было больно смотреть.

На глаза Линь Пинчжи навернулись слёзы.

— Пинчжи... — едва завидев сына, госпожа Линь зарыдала в три ручья.

Линь Чжэньнань тоже потерял дар речи, беззвучно содрогаясь в рыданиях.

Увидев эту сцену, Ян Ань тяжело вздохнул, но всё же произнёс:

— Старший брат Линь, сейчас дяде и тёте нездоровится, им вредно предаваться сильным эмоциям. Пожалуйста, возьмите себя в руки.

Услышав слова Ян Аня, Линь Пинчжи ощутил одновременно боль и радость. Он быстро успокоился и сам принялся утешать родителей.

Спустя довольно долгое время все трое наконец успокоились.

Ян Ань сказал:

— Старший брат Линь, подойди и нанеси лекарство на раны дяди и тёти. Вот порошок Хуэйсюань, присыпь им свежие раны. До тех мест, где уже образовались корочки, пока не дотрагивайся — сначала их нужно промыть горячей водой, и только потом накладывать мазь.

Линь Пинчжи тут же откликнулся.

Лекарства Ян Аня для любого другого человека были бы бесценным сокровищем, за которое готовы отдать горы золота. Сам он, впрочем, никогда не испытывал в них недостатка, хотя некоторые особо редкие рецепты берёг пуще глаза — и Пилюли Жэньшэня и Змеиной Крови как раз относились к числу таких сокровищ.

Для их изготовления требовался женьшень возрастом не менее тысячи лет, а также кровь белого фосфорного змея. Редкость этих двух ингредиентов делала пилюлю поистине бесценной: если женьшень ещё можно было отыскать, проявив усердие, то заполучить кровь белого фосфорного змея было практически невозможно. Кроме того, в состав входило множество других драгоценных трав, что лишь добавляло лекарству ценности.

Таких пилюль у него было всего двенадцать штук, и они обладали почти чудодейственным свойством исцелять внутренние повреждения, возвращая человека с того света.

Единственным их недостатком было то, что лекарство действовало медленно — эффект проявлялся лишь спустя три часа.

Именно поэтому Ян Ань сначала дал Линь Чжэньнаню Пилюлю Жизненной Силы, чтобы во что бы то ни стало поддержать в нём искру жизни.

Он протянул руку и несколько раз быстрым движением коснулся тела Линь Чжэньнана, после чего направил внутреннюю энергию, помогая тому усвоить лекарство, и лишь затем влил ему в рот Пилюлю Жэньшэня и Змеиной Крови.

Драгоценных пилюль у Ян Аня осталось всего шесть штук — ровно столько он оставил на крайний случай У Лэ и Линь Куню для защиты жизней. Теперь же, после того как три штуки ушли на Линху Чуна и родителей Линь Пинчжи, у него самого осталось ровно три пилюли.

Впрочем, даже без столь дорогих лекарств Ян Ань сумел бы их спасти, однако эти пилюли давали наилучший результат, а он хотел использовать для лечения всё самое лучшее.

Увидев, что после приёма лекарств родителям стало намного лучше и их цвет лица заметно улучшился, Линь Пинчжи несказанно обрадовался.

Дух у них тоже воспрянул.

Ян Ань произнёс:

— Сейчас двое моих дядей ещё слишком слабы, им нужен хороший уход, и никакой жирной пищи им пока есть нельзя. Условия здесь неподходящие, так что, как только они немного отдохнут, мы вернемся в особняк Лю, где они смогут спокойно восстановить силы.

Линь Пинчжи ничего не смыслил в медицине, но, видя, с какой уверенностью действует Ян Ань, почувствовал, как огромный камень свалился с его сердца, и теперь был готов во всём следовать его указаниям.

В этот момент Ян Ань казался ему поистине всемогущим.

Убедившись, что всё в порядке и родителям стало гораздо лучше, Линь Пинчжи наконец огляделся по сторонам и сразу заметил четверых парализованных адептов школы Цинчэн.

— Благородный молодой господин Ян, как нам поступить с этими людьми? — спросил Линь Пинчжи.

Хотя эти четверо были лишены возможности двигаться, Линь Пинчжи даже не думал убивать их исподтишка — он хотел в будущем лично расквитаться с ними один на один, опираясь на собственную силу.

Ян Ань бросил на них взгляд и ответил:

— Подождём, пока явится Юй Цанхай, тогда и решим.

И стоило только вспомнить о Цао Цао, как Цао Цао тут же явился.

В этот самый момент снаружи храма послышался топот шагов.

Линь Пинчжи перевёл взгляд на вход и увидел уверенно шагающего внутрь Юй Цанхая.

— Ха-ха, Юй Цанхай, какая встреча! Не ожидал, что мы так скоро свидимся вновь, — с беззаботной улыбкой произнёс Ян Ань.

Юй Цанхай никак не ожидал встретить здесь не только чету Линь, но и этого демона во плоти — Ян Аня.

Его лицо мгновенно потемнело, в глазах мелькнула тревога, и он резко замер на месте.

Правая рука, сжимавшая рукоять меча, напряглась так сильно, что на ней вздулись вены. Чеканя каждое слово, он выдавил:

— Ян Ань.

Среди следовавших за ним учеников тут же поднялся шум, кто-то даже невольно испуганно ахнул.

— Верно, — Ян Ань стоял заложив руки за спину, излучая непринуждённую уверенность.

Линь Пинчжи стоял рядом с Ян Анем и холодным взглядом смотрел на Юй Цанхая и его людей, не совершая никаких лишних движений. Благородному мужу и десять лет ждать мести не поздно — раз уж его сил пока не хватало, спешить не стоило.

Увидев вошедшего Юй Цанхая, супруги Линь поначалу смертельно испугались и едва не бросились на него в последней отчаянной схватке, но, не успев сделать и движения, замерли в полном недоумении.

Юй Цанхай, переступив порог, почему-то не посмел сделать больше ни шагу вперед. Выражение его лица было столь тревожным, словно он столкнулся со свирепым зверем, отчего оба старших Линя растерянно переглянулись.

— Чего ты хочешь? — стараясь скрыть волнение, спросил Юй Цанхай, глядя на Ян Аня.

Ян Ань бросил на Юй Цанхая беглый взгляд, окинул глазами его свиту, махнул рукой и сказал:

— Я же говорил, что не убью тебя, и своего слова не нарушу. Забирай своих людей и убирайся пробирайся восвояси, а счёты с тобой потом сведут те, кому положено.

Услышав это, Юй Цанхай облегчённо выдохнул: сегодня его жизнь была спасена. Понимая, что в нынешнем положении он ничего не может противопоставить этому пареньку, он с досадой глянул на Линь Чжэньнана и остальных, а затем рывкнул:

— Уходим!

Он поспешно двинулся к выходу, словно храм был полон ядовитых змей и свирепых зверей, а остальные цинчэнские ученики перепуганно бросились за ним, не разбирая дороги.

— Стойте, — бросил Ян Ань.

Юй Цанхай мгновенно окаменел, резко обернулся и свирепо зыркнул на него:

— Чего тебе еще надо?!

Заметив подавленную ярость на лице Юй Цанхая, Ян Ань громко рассмеялся:

— Настоятель Юй, даже если так спешишь, не забывай про своих людей. Развекого не проявят твои ученики равнодушия к такому хозяину? Эй, заберите-ка этих четверых с собой. Мало того, что оставили их здесь валяться, так они еще и глаза мне мозолят своей никчемностью.

Речь эта была на редкость язвительной.

Линь Пинчжи не удержался и тихо рассмеялся.

<http://bllate.org/book/22526/2379322>